

ТЕКТОНИКА ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – ПЕРВОМ ДВАДЦАТИЛЕТИИ XXI в.

В статье рассматривается монография французского политолога, директора одного из наиболее влиятельных центров изучения французского общественного мнения IFOP Жерома Фурке. Изданная в 2019 г., это издание с броским названием «Французский архипелаг» (L'archipel français) получило широкий резонанс во Франции и было удостоено премии ассоциации «Размышления об обществе» (Lire la société) как лучшая политическая книга «побуждающая политическую мысль к переоценке дискурса». В книге на основе глубокого историко-антропологического анализа представлен срез современного французского общества, показано, как начиная с 1960-х гг. и до наших дней трансформировались базовые ценности французов, и на их основе вместо некогда единой сложилась расколотая французская нация.

Ключевые слова: социальная нестабильность, политическая география, электорат, католицизм и светскость, пост-христианизм, картография общественного мнения

«Каждый француз создает свою собственную систему ценностей»¹.

То, что в истории западных, или либеральных, демократий с конца XX в. наметился и далеко ещё не завершился процесс трансформации социокультурной и общественно-политической модели, не вызывает сомнений и острых разногласий в учёном сообществе. По поводу Франции один из крупнейших французских историков С. Берстайн пишет: «Во французской истории начался непредвиденный период крушения традиционных политических сил, ставших жертвами собственной несостоятельности в понимании изменений мира XXI века, вызвавших социальный, моральный и интеллектуальный раскол между двумя Франциями, не имеющими больше общих ценностей. Ясно, что мы вступили в период транзита, и никто не знает, куда он нас приведёт»².

Размышляя над происходящим, специалисты разного профиля – историки, политологи, социологи и др. – не столько ведут дискуссии между собой, сколько стремятся дополнить интеллектуальный дискурс, опираясь на собственные методологические приёмы, чем существенно обогащают междисциплинарный подход в изучении волнующей проблемы. Среди ведущих французских исследователей, переосмысливающих историю своей страны за последние 50 лет в таком ключе, назовём Э. Тодда, Ж-Ф. Сиринолли, Ж. Ришара³. Работы Э. Тодда в концептуальном плане трактуют эволюцию французской демократии и взаимодействия между гражданским обществом и государством через призму исторической антропологии и этнокультурной парадигмы. Ж-Ф. Сири-

---

¹ Fourquet 2019: 69.

² Из письма автору этой публикации от 30.01.2020 // Архив автора.

³ Todd 2008; Le Bras, Todd 2013; Sirinelli 2005; 2017; Comprendre la V-e République 2010; Richard 2017.

нелли, один из основоположников «культуральной» истории, опираясь на социокультурный подход, первым определил период 1960–1980-х гг. в истории Пятой республики как «решающее двадцатилетие»⁴. Ж. Ришар продолжил политико-культурный метод изучения «политических семей» Франции, заложенный в 1950-е гг. его учителем и мэтром Р. Ремоном⁵.

Рецензируемый труд Ж. Фурке с подзаголовком «Рождение смешанной и разобщённой нации» (*Naissance d'une nation multiple et divisée*) и вынесенным на обложку вопросом «Куда мы идём?» (*Où allons nous?*) можно считать достойным вкладом в углубление дискурсивного анализа современной французской действительности. Фурке расширил исследовательское поле своих коллег привнесением на его почву методов социальной антропологии. Главный посыл книги состоит в том, чтобы показать, почему и как произошло, что, как он пишет, «галло-романская светско-католическая социокультурная матрица» французского общества, наметившаяся с XVIII в. и просуществовавшая на протяжении 200 лет (с. 13, 15), начала размываться с 1960-х гг. В трёх частях книги Ж. Фурке блестяще показал динамику происходившей эволюции на новых примерах, остававшихся в тени у других исследователей. Так, он убеждает, что «имя – культурный маркер. Оно есть неотъемлемая составляющая социологического комплекса, уводящего нас к пониманию региональной (или национальной) чувствительности, логики семейных отношений, манерам поведения и образу жизни. Под влиянием обстоятельств трансформация имен выступает существенным элементом и точным индикатором изменений общественной жизни» (с. 17), и подчёркивает значительное влияние политической конъюнктуры на выбор имен в семье (с. 34-36). В этом контексте любопытную и не лишённую оснований корреляцию увидел Фурке между «дехристианизацией», уходом в прошлое героических страниц истории страны и убыванием популярности таких девичьих имен, как Мари и Франс (с. 29-36), между распространением поп- и масс-культуры и появлением «поколения Кевинов и Диланов» среди мальчиков и Синди среди девочек (с. 120-126), а также между притоком иммигрантов и появлением кварталов с преобладанием арабо-мусульманских имен (с. 133-136; 162-163).

Особо хотелось бы поставить в заслугу Ж. Фурке то, как умело и убедительно, оперируя методом сравнительного анализа, он подтверждает собственные выводы, снабдив работу данными опросов общественного мнения и политической географии. Схемы, таблицы, карты, которыми обильно насыщена книга, и где отражена панорама буквально всех регионов страны, исчерпывающим образом, с научной точки зрения, не только подтверждают авторскую позицию, но и предоставляют читателю необходимый визуально сопоставимый фактологический материал для самостоятельных оценок.

⁴ Comprendre la V-e République ... р. 13. См. об этом: Канинская 2012. М., 2012.

⁵ См. рецензию на книгу Ж. Ришара: Канинская 2019.

Рисуя социокультурную и политическую картину современной Франции, Ж. Фурке охарактеризовал многочисленные факторы, под влиянием которых, начиная с со второй половины XX в., раскалывалась страна, и в обществе разрушился прежний, хотя «незримо и неосознанно», но прочно укрепившийся к XIX веку республиканский «цоколь» (с. 15) единой нации, согласно которому все граждане страны, невзирая на их этнические и религиозные корни, считались французами и так же, вне зависимости от этих различий, объединялись в партии по линии левые–правые в плане политическом (с. 9-10). Скрупулёзный анализ этого феномена убедил Фурке в том, что сегодняшнюю Францию логичнее назвать «архипелагом». Сам автор поясняет свою мысль следующим образом: «Географы определяют архипелаг как группу расположенных вблизи друг от друга островов с общим геологическим происхождением. Это представление как нельзя лучше применимо к сегодняшним процессам во французском обществе. По сути, сегодня это общество представляет собой разрозненные группы, каждая со своим стилем жизни, особыми нравами и своеобразными представлениями о мире. Подобно островам архипелага, населяющие их люди живут вдали друг от друга, контактируя, правда, время от времени между собой... Конечно, у этих островов сохраняются общие культурные черты, но с присущими только им особенностями. А со временем островное положение разрушает общую матрицу, и каждый её фрагмент начинает усиленно культивировать свою специфику» (с. 309).

Важный период «дислокации католической матрицы» и «антропологического сдвига» (с. 21-72) автор датирует 1950–1970 гг. (с. 76). Раскрывая его, Фурке называет нынешнюю Францию «дехристианизированной страной», или, как он уточняет, «снова ставшей землей «нехристианской» (*achrétienne*)» (с. 22). Примеры разрушения прежней религиозной практики и «перехода французского общества на путь нравственной модернизации» (с. 22) красноречивы и убедительны. Не вдаваясь в детальный анализ, что блестяще удалось Ж. Фурке, перечислим их: сокращение количества крещений, посещений месс, «банализация» (с. 26) церковных праздников, уменьшение штата священников. На основе этих фактов автор книги делает справедливый вывод: если «Церковь Франции в конце 1950 и в начале 1960 годов ещё имела “государственный масштаб” как институт», то отныне «как институт со своим социальным корпусом Церковь больше не играет сопоставимой с Государством роли» (с. 29). Католиков Фурке называет «отныне меньшинством во французском архипелаге» (с. 67).

Тщательно проанализированы и детально изложены в книге линии «антропологического сдвига», подточившего французскую социальную матрицу (с. 36-67). Ж. Фурке пишет: «Среди институтов, структурирующих социальную жизнь, факт вступления в брак долгое время считался одним из главных. Однако, параллельно с упадком католицизма про-

цесс ослабления этой социетальной опоры шёл доселе невиданными темпами на протяжении чуть более сорока последних лет» (с. 37). К числу социальных практик, подрывающих основы института брака и идущих вразрез с установками католической церкви, автор относит рост числа разводов, гражданских браков и рождения внебрачных детей, аборт и экстракорпоральное оплодотворение, терпимость по отношению к гомосексуалистам и признание их прав на вступление в брак и усыновление детей. Среди подобных практик Фурке вполне обоснованно отмечает такое «новое отношение к телу» (с. 56), как кремация, татуаж, сексуальное поведение. В таких проявлениях он усматривает стремление «выделиться и полностью распоряжаться своим телом» (с. 60). «Парадокс в том, – пишет он, – что это служит иллюстрацией роста индивидуализма в современном обществе, и в то же время господства стереотипов, исходящих от масс-медиа» (с. 60). Весьма красноречив пример эволюции отношения французов к животным как социальное явление, названное Ж. Фурке «анимализмом» (с. 66). Под ним подразумевается «окрепшее идейное течение, нацеленное на прекращение всякого господства человека над животными, исходя из постулата об общности природы и равенстве всех её обитателей» (с. 66). Сторонники «анимализма», в частности, выступают против корриды, откармливания уток и гусей. Фурке приводит такие цифры: «В марте 2017 г. за несколько недель до первого тура президентских голосований 9% французов заявляли, что их выбор кандидата будет зависеть от позиции по вопросу защиты животных» (с. 66). А во время парламентских выборов в июне того же года партия защитников животных в некоторых округах собрала 1% голосов, «и хоть это немного, но столько же, сколько получила христианско-демократическая партия в этих же округах» (с. 67).

Размышляя о «дехристианизации» своей страны, автор приходит к выводу о том, что католики во французском «архипелаге» не только оказались в меньшинстве, но раскололись, с одной стороны, на традиционалистов и модернистов, а с другой – по линии поколенческой. «В некоторых старых бастионах католицизма, – отмечает Фурке, – он ещё сохраняет свою марку, что подтверждают преобладание влияния ВКХТ [христианский профсоюз] над ВКТ [профсоюз рабочих], проевропейские настроения и более высокий уровень бакалавриата [аналог российского ЕГЭ – Г.К.]... Однако, за исключением этих косвенных локализованных проявлений, которые можно классифицировать как в целом остаточные во французском обществе, официальное влияние католицизма воистину находится на грани исчезновения» (с. 69). И далее Фурке цитирует упомянутого выше Э. Тогда: «Для такой страны, как Франция, присутствие миноритарной, но социально значимой католической Церкви придавало резон существованию неверия, атеизма или, как более осторожно говорили, светскости. Исчезновение этого ориентира разрушило весь идеологический фундамент Франции» (с. 74).

Проявление ещё одного важного этапа «архипелагизации» Франции автор датирует 1981–1983 гг., когда, как он пишет, пали авторитет и влияние «красной церкви», т.е. ФКП (с. 75), и коммунистической парадигмы в целом⁶. По меткому замечанию Фурке, антиподы – католическая Церковь и ФКП долгое время были двумя сторонами одной монеты, или главными мировоззренческими компонентами социокультурной матрицы. Их упадок рикошетом сфокусировался на другие её составляющие. Падение влияния и престижа прессы на примерах тиражей газет «Юманите» и «Лё Монд», сокращение просмотра ведущих телевизионных каналов в условиях господства Интернета, замена берущего истоки от эпохи Просвещения картезианского рационализма неверием в прогресс и релятивизмом (с. 79–85) – всё это привело к тому, что в общественном дискурсе «всё больше под сомнение ставятся официальные научные взгляды и расцвели всякого рода конспирологические заговорщические теории и альтернативные интерпретации» (с. 82). Наиболее восприимчива к новым постулатам молодёжь, внося дополнительный элемент в «хаотичность французского архипелага» (с. 78).

Обращает на себя внимание то, как Ж. Фурке оценил «отрыв элит» от «народной Франции» (с. 93), обозначив этот этап как «ошеломительное изменение социальной морфологии» (с. 95) французского общества. Авторская аргументация заслуживает полного признания. В качестве подтверждения своего вывода о замкнутости элит Фурке приводит такие примеры, как образовательный и профессиональный отрыв, начиная со школьного возраста, стремление обособленно проживать в центре метрополии, тогда как народные кварталы составляют периферию, не смешиваться во время досуговых мероприятий. Катализаторами «идеологической и психологической атомизации элиты» он не без основания считает исчезновение таких социальных институтов, где прежде контактировали выходцы из разных социальных слоёв, как лагеря во время школьных каникул и армия по призыву, отменённая в 1996 г. президентом Ж. Шираком (с. 100–116). Наряду с этим Ж. Фурке верно заключает, что «эра глобальной экономики, привела к другому расколу во французском обществе: между той частью населения, которая обладает необходимым культурным и психологическим капиталом для того, чтобы предстать за границей, и большим количеством тех, кто продолжает жить и рассуждать в национальных рамках». На этой лестнице социальной пирамиды, пишет автор, произошла «интернационализация элит» (с. 116). Народные массы также оказались задеты «архипелагизацией». Возникновение «островов» в этой социальной категории Ж. Фурке оце-

⁶ В 1981 г. в Пятой республике к власти пришло первое социалистическое правительство во главе с Ф. Миттераном, в котором участвовали министры-коммунисты. Девиз этого правительства был: «Изменить жизнь» и подразумевал «разрыв с капитализмом», однако в 1984 г. эта установка была снята, социалистическое правительство встало на путь управления страной в рамках рыночной экономики, разрыв с капитализмом не случилось, а коммунисты вышли из правительства.

нивает через призму «идеологического и культурного высвобождения» (с. 119). Под этим он подразумевает проникновение поп-культуры и американизации в народные массы, начиная с середины 1960-х. В книге любопытно проиллюстрирован этот процесс сначала на примере популярности англо-саксонских имен для новорождённых, а затем убедительно доказано, что это «поколение Кевинов и Диланов» (с. 123), проживающее в основном в четверти рабочих регионов Северо-Востока страны, «порвало с традиционными ценностными ориентирами» (с. 122) и в большом количестве голосовало в 2017 г. за Национальный фронт Марин Ле Пен, «продемонстрировав “фи” другим официальным лидерам» (с. 123-126). Автор счел весьма симптоматичным то обстоятельство, что эти северо-восточные агломерации настолько отличаются от сельскохозяйственных и периферийных городских районов, как будто их разделяет непреодолимая граница, это как два разных мира, живущих по соседству – каждый со своей системой ценностей. И ярчайший пример архипелагизации французского общества» (с. 126).

В книге проделан тщательный анализ процесса превращения Франции в мультикультурную страну, шедшего параллельно с описанными выше явлениями: «В 1983 г. иммиграция из Магриба заявила о себе. Проживая во Франции долгое время без права на жительство, эта социальная группа вдруг резко проявилась в пейзаже страны и коллективных представлениях. После длительных забастовок в этом году в автомобильной промышленности, “марша коричневых”⁷, успеха фильмов, песен и других событий, Франция вдруг осознала, что эта группа иммигрантов весьма многочисленна, что она составляет особый слой (как показывает «второе поколение») и не собирается «возвращаться в страну», а намерена навсегда внедриться в нашу почву» (с. 222). Это осознание и привело к росту популярности в стране Национального фронта, впервые успешно выступившего на выборах в Европейский парламент в 1984 г., а ещё раньше заявившего о себе на национальном уровне, сыграв на «опасении французов за собственную безопасность из-за иммигрантов» (с. 235). Ж. Фурке наглядно продемонстрировал на примере таких городов, как Марсель, Перпиньян и Мюлуз, территориальную связь голосования за Национальный фронт с местами, где проживает «этнически разнообразное население» (с. 234-244).

Дополнительными штрихами к пониманию новых линий раскола во французском обществе автор справедливо считает провал проекта Конституции Европы в мае 2005 года и волнения в городских пригородах в октябре-ноябре 2005 года. Речь идёт, во-первых, о том, что проявилась «оппозиция между рабочими коммунами, в массе проголосовавшими «против», и зажиточными городами, активно выступившими «за» (с. 248). Во-вторых, сравнив волнения в «социальных гетто» Франции

⁷ Во Франции представителей второго поколения, т.е. рождённых во Франции детей иммигрантов из стран Магриба, называют «коричневыми» (beurs).

с волнениями в негритянских кварталах США, Фурке делает важный вывод о сложившейся «социально-экономической» и «этнокультурной» разнице между «неблагополучными окраинами» и «остальным сообществом», а также о наличии «дефицита интеграции их населения во французское общество» (с. 253-254).

Остро критично в отношении официальных заявлений о «сплочении нации вокруг демократических и республиканских ценностей» после расстрела в январе 2015 г. редакции еженедельного журнала «Шарли эбдо» (Charlie Hebdo) написана часть книги, где автор наглядно показывает, что, напротив, в момент, когда в Париже на площади Республики состоялась миллионная манифестация в знак солидарности с журналом, отчетливо проявилась идеологическая, социологическая и этнокультурная фрагментация французского общества, так как не очень был задействован электорат фронтистский, равно как и категории населения мало дипломированные и представляющие народные массы (с. 255-261). «Таким образом, – утверждает Ж.Фурке, – с 1983–1984 гг. и до 2015 г. Францию одолевали сильные конвульсии. Исторически организованный вокруг антагонизма мощных традиционных партий политический пейзаж, всё более и более ослабевал, ибо всё менее и менее учитывалось реальное воздействие новых антагонизмов, раскалывавших общество. Под влиянием этих новых особенностей и дополнительных проявлений разломов в 2017 г. и треснуло лакированное снаружи общество, а политический пейзаж потрясён» (с. 261).

Пристального внимания заслуживает многомерный «в проекции 3D» (с. 270), как пишет Фурке, анализ эффекта победы Э. Макрона на президентских выборах мая-июня 2017 г. и результатов его правления в первой половине пятилетнего срока (с. 263-368). С методологической точки зрения интересен трёхмерный подход Фурке, изучившего электорат Макрона через «социально-демографическую призму» по половозрастному и профессиональному признаку, по вертикали и по горизонтали – через территориальное и региональное деление голосования, или, наконец, через социокультурные проявления, позволяющие понять, «почему те или иные категории населения голосуют неодинаково в масштабе всей страны» (с. 271).

Рассуждения и выводы Ж. Фурке требуют вдумчивого прочтения. Остановимся в общем виде на трёх главных посылах. Во-первых, победа Э. Макрона в 2017 г. не открывает, а, наоборот, завершает минимум тридцатилетний цикл тектонических сдвигов во французском обществе, очевидность которых стала реальной уже в 2015 г. Во-вторых, в результате этих сдвигов сложилось новое деление французов по признаку «победители – открытые глобализации» и «проигравшие – замкнутые в национальных рамках» (с. 271-273). В-третьих, намечается новое «классовое» расслоение во Франции, по старой линии «левые-правые», и уже вокруг Э. Макрона сложился «либерально-элитарный блок реформато-

ров», тогда как оппозиционному блоку в условиях «многокультурной и расколотой нации» ещё надлежит определиться (с. 361-379). Предстоящие в марте 2020 г. муниципальные выборы могут оказаться исходным пунктом в этом направлении.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Канинская Г.Н. Современные правые во Франции: кто они? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2019. Вып. 67. М.: ИВИ РАН. С.411-417 [Kaninskaya G.N. Sovremennye pravye vo Francii: kto oni? // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. 2019. Vyp. 67. M.: IVI RAN. S. 411-417].
- Канинская Г.Н. Что стало с Пятой республикой? О книге «Понять Пятую республику» под ред. Ж. Гаррига, С. Гийом, Ж-Ф. СириNELЛИ // Французский ежегодник 2012. М., 2012. С.446-451. [Kaninskaya G.N. Chto stalo s Pyatoy respublikoj? O knige "Ponyat' Pyatuyu respubliku" pod red. Zh. Garriga, S. Gijom, Zh.-F. Sirinelli // Frantsuzskij ezhegodnik 2012. M, 2012. S. 446-451].
- Comprendre la V-e République (s.l.d. de J. Garrigues, S. Guillaume, J-F. Sirinelli)., Paris, PUF, 2010. 554 p.
- Fourquet J.. «Chaque Français bricole son propre système de valeurs» // L'Obs, № 2867 du 17 au 23 octobre 2019, p.69.
- Le Bras E, Todd E. Le Mistère français. Paris, Seuil, 2013. 448 p.
- Richard G. Histoire des droites en France. De 1815 à nos jours, 2017. Paris, Perrin, 2017. 640 p.
- Sirinelli J-F. Comprendre le XX-e siècle français. Paris, Fayard, 2005. 527 p.
- Sirinelli J-F. Révolutions françaises: 1962-2017. Paris, Odile Jacob, 2017. 521 p.
- Todd E. Après la démocratie. Paris, Gallimard, 2008. 447 p.

Канинская Галина Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова; kaninsk6@mail.ru

Tectonics of French society in the second half of the XX – first decade of the XXI centuries

The article considers the monograph of Jerome Fourquet, the French political scientist, director of IFOP, one of the most influential centers for the study of French public opinion. This monograph with the catchy title «The French archipelago» (L'archipel français), published in 2019, received a wide response in France and was award-winning of the Association «Reflections on society» (Lirelasoci été) as the best political book, «which induces political thought to re-evaluate discourse». The book presents a cross-section of modern French society on the basis of a deep and meticulous historical and anthropological analysis. Against the background of French history, from the 60s of the twentieth century to the present day, it is shown how the basic values of the French transformed and on their basis, instead of the once unified, a split French nation was formed.

Keywords: social instability and chaotic state, political geography, electorate, Catholicism and secularity, post-Christianism of the modern world, anthropological, social and ideological upheavals, cartography of public opinion

Galina Kaninskaia, Dr.Sc. (History), Professor, Chair of the World History Department, Demidov Yaroslavl State University; kaninsk6@mail.ru